

Чу Тяньцо взмахнула рукой, и в её ладони внезапно возник духовный меч. Белоснежное лезвие Ищущего Свет сияло, словно лунный свет, и излучало пронзительный холод.

Она начала танец, сочетая в движениях твердость и мягкость. Острие меча рассекало воздух, оставляя за собой ослепительно яркие вспышки, но Ли Були видел лишь убийственную ярость в глазах девушки.

В его сердце мелькнула догадка, однако лицо осталось непроницаемым.

Холодный, острый как бритва ветер от меча коснулся его щек. Ли Були невольно вздрогнул, но заставил себя не выказывать страха. Он не отвел взгляд, бесстрашно встречая яростные порывы ветра, которые насылала на него Чу Тяньцо.

Раз не можешь убить, так пытаешься напугать? Неужели она всерьез думает, что он какой-то желторотый юнец, не видевший жизни?

Всего лишь девчонка. Радость и гнев написаны на лице, движения — пустая показуха, а шума больше, чем дела. Типичное бахвальство.

Когда Чу Тяньцо закончила танец, Гу Цинбай поняла: та постигла первый уровень техники меча Гуйцзун.

Теперь её движения больше не казались пустыми. Она обрела собственное понимание первой формы, ставшей стремительной, словно ветер, и острой, как лезвие.

Первую форму меча Гуйцзун она освоила превосходно.

Гу Цинбай была поражена переменами в Чу Тяньцо. В её памяти эта младшая сестрица всегда была бунтаркой, вечно замышляющей какую-нибудь пакость. Если кто-то осмеливался посмеяться над ней, на пути с горы с ним обязательно приключалась беда.

То на него нападали непонятно откуда взявшиеся летающие духовные звери, то обезумевший демон крушил всё на своем пути, оставляя бедолагу в синяках.

Даже если Бессмертный Почитаемый Миндэ делал ей замечание, это неизбежно заканчивалось переполохом.

Сегодня она съест семена лотоса, любовно выращенные учителем, а завтра сломает его любимую сосну.

То, что сегодня она так послушно признала вину, для Гу Цинбай было равносильно восходу солнца на западе.

Глядя на угрожающий танец Чу Тяньцо, от которого, казалось, вот-вот сойдет кожа с лица, Гу Цинбай едва заметно приоткрыла губы:

— Если ты искренне хочешь извиниться, сходи и принеси чего-нибудь поесть.

Чу Тяньцо с улыбкой согласилась.

Ли Були же охватила тревога. Притворившись невинным, он ухватился за рукав Гу Цинбай:

— Сестрица, останься со мной, хорошо?

Чу Тяньцо насмешливо хмыкнула и ушла.

Гу Цинбай чуть наклонилась, заглядывая в те самые темные, округлые глаза:

— Можешь сказать, почему?

Её губы слегка дрогнули, а голос звучал мягко, словно она уговаривала ребенка:

— Почему ты называешь меня сестрицей? И почему тебе нужно, чтобы кто-то был рядом?

Этот голос, эта интонация — всё накладывалось на старые воспоминания, превращаясь в ночной кошмар.

Гу Цинбай хотела сорвать с него маску, но Ли Були слишком глубоко вошел в роль:

— Сестрица, сестрица...

Его глаза, словно черная воронка, пытались затянуть её в пучину.

— Хватит уже сестрицать! Ешь давай, а не то с голоду помрешь — не хочу, чтобы ты пачкал мой меч, — Чу Тяньцо стремительно вынесла из кухни три маньтоу.

Гу Цинбай выпрямилась, бесстрастно взяла один из маньтоу и откусила кусочек.

Три лепешки лежали у неё на ладони, и она взяла самую верхнюю.

Чу Тяньцо усмехнулась:

— Не бойся, не отравлено.

Сказав это, она для вида взяла одну и себе. Последнюю она бросила Ли Були, и тот поймал её обеими руками.

Увидев, как Чу Тяньцо одним махом проглотила половину своей порции, Ли Були, всё ещё сомневаясь, тоже откусил кусок.

Чу Тяньцо вытаращила свои лисьи глаза, и Ли Були едва не подавился. В ушах зазвучал её залихватистый смех.

В глазах Ли Були промелькнула обида. Гу Цинбай лишь беспомощно вздохнула.

Наступила ночь. Пик Лазурного Меча усыпали яркие звезды, луны на небе не было.

Чу Тяньцо предпочитала луну. Звездное сияние, конечно, красиво, но их тысячи, и они лишь рябят в глазах, а лунный свет никогда не надоедает.

Некоторые люди рождаются лунами: они настолько совершенны, что вызывают зависть, а если и бывают ущербны, то всё равно находят сочувствие.

Другие же — лишь звезды. Есть они или нет — никакой разницы.

Сейчас, идя навстречу звездному свету, она столкнулась с кем-то прямо у дверей комнаты Гу Цинбай.

Чу Тяньцо прищурилась, на губах заиграла дерзкая улыбка. Словно воришка, пойманный с поличным, она считала, что если лицо достаточно наглое, никакой неловкости быть не может.

Гу Цинбай молча смотрела на неё, словно читая все мысли.

Чу Тяньцо выпалила первое, что пришло в голову:

— Я мимо проходила... на луну смотрела.

Гу Цинбай усмехнулась этой неуклюжей лжи.

— Гу Цинбай, ты ведь тоже понимаешь, что с ним что-то не так, — Чу Тяньцо разозлилась, чувствуя себя глупо. Она не понимала, зачем та возится с ним. Стоило просто сдать его в карательный отдел, и обе смогли бы спокойно совершенствоваться.

Она говорила громко, не пытаясь скрыться.

— Я поставила барьер, он не услышит.

Улыбка Чу Тяньцо застыла, но она быстро взяла себя в руки:

— Гу Цинбай, от него никакой пользы. Такие, как он, обычно — неудавшиеся предатели, которых подослали в качестве наживки.

— У него не хватит способностей, чтобы выманить того, кто стоит за его спиной.

Чу Тяньцо не добавила главного: этот Ли Були явно положил на тебя глаз.

В крупных сектах наличие шпионов — дело обычное. Бывают те, кто затаился надолго, а бывают и те, кто лезет напролом. За эти годы их переловили немало.

В последнее время демоны поумнели: они подстрекают беглых культиваторов-одиночек проникать в крупные секты в качестве лазутчиков.

И пусть Ли Були всего лишь смертный, кто знает, не подослали ли его демоны из мира людей? Если допрашивать каждого шпиона, то когда же им заниматься самосовершенствованием?

Но Гу Цинбай, эта упрямица, явно думала иначе. Лучше отпустить виновного, чем погубить невиновного. Слишком мягкосердечна.

Чу Тяньцо смотрела на Гу Цинбай: изящная, статная, с осанкой истинного небожителя, чье сердце подобно чистому зеркалу, не знающему пыли. Она чувствовала себя крысой, выползшей из сточной канавы. Несмотря на острый меч в руках, она была холодна, отчужденна и безжалостна.

Гу Цинбай перехватила запястье Чу Тяньцо. Её тонкие пальцы казались ослепительно белыми в лунном свете. Она опустила взгляд и холодно произнесла:

— Сначала отличи добро от зла, а потом решай, кого наградить, а кого наказать. Нет заслуг — нет награды, нет вины — нет наказания. Сяо Тянь, в тебе слишком много ярости. Даже если его личность неясна, это не значит, что он шпион.

Даже учитель еще не вынес окончательного вердикта, так как же они могут решать за него?

Чу Тяньцо тихо рассмеялась:

— Старшая сестра, ты меня учишь?

Чу Тяньцо никогда не называла Гу Цинбай старшей сестрой. Если она это делала, значит, была на грани безумия.

Гу Цинбай разжала пальцы и тихо, словно с сожалением, добавила:

— Я просто прошу тебя не горячиться. Когда учитель вернется, он во всем разберется.

Чу Тяньцо пристально посмотрела на неё:

— Учитель уже всё решил вместе с тобой, какое мне до этого дело?

— У меня что, дел больше нет, кроме как о твоих заботах думать?

Она взмахнула рукавом и зашагала прочь. Её спина, окутанная ночным холодом, выглядела одновременно гневной и бесконечно одинокой.

Гу Цинбай потерла висок, где пульсировала вена, и вернулась за барьер.

Этот юноша действительно был подозрителен, но для Гу Цинбай от него веяло странным, знакомым ароматом, который она чувствовала много лет назад.

Это было связано с её сердечным демоном. Если удастся узнать правду о прошлом через Ли Були, быть может, она найдет способ исцелиться от своей душевной боли.

Юноша спал крепким сном. Его длинные ресницы, словно вороньи перья, отбрасывали тень на щеки, и мысли Гу Цинбай невольно вернулись в далекую, снежную зиму.

<http://bllate.org/book/18925/1851448>